

— Он справился отлично! — Ассистент безжалостно поправил очки. — Так и нужно поступать с теми, кто страдает тяжелой зависимостью от интернета. Если бы он не взялся за тебя, я и брат Сюй уже собирались отправить тебя на электрошоковую терапию. Ты все еще хочешь расстаться? Да? Если нет, то иди сниматься. Твой мозг съели игры, ты даже не можешь правильно двигаться на сцене. Только благодаря терпению Се Синчжоу ты еще держишься. Если бы это был я, я бы за минуту поднял тебя и сбросил с той искусственной горы, чтобы вытряхнуть воду из твоей головы.

Режиссер Ван его не ругал. Да, у режиссера Вана еще был имидж вежливого человека, но его ассистент...

Бай Чэн сразу же расплакался, сделал сальто и бросился к Се Синчжоу...

Этот жест был просто великолепен, выглядело так, будто он собирается ударить. Цзянь Дунлинь загорелся, едва сдерживаясь, чтобы не спровоцировать кровавую драку между ними прямо сейчас, но...

Эммм...

Мозг интернет-зависимого подростка действительно непонятен. Он просто растянулся на полу, как вяленая рыба, обхватив ногу Се Синчжоу.

???

Что за дела? Куда это все катится? Цзянь Дунлинь был настолько шокирован, что даже выронил свою палку для провокаций.

— Брат Чжоу, спаси ребенка! Я действительно не знаю, как двигаться на сцене, я ничего не понимаю! Я просто ваза, зачем мне мозг?

Се Синчжоу не знал, что ответить. Он тоже не мог объяснить важность наличия мозга. Но что поделаешь? Как человек, когда-то мечтавший стать учителем, он не мог бросить того, кто просит о помощи.

— Не понимаешь? Ну и ладно, мы можем попробовать другой метод, — Се Синчжоу озарился святым светом. — Дай мне линейку, я гарантирую, что в следующий раз ты не ошибешься.

Что мог сделать Бай Чэн? Только с болью в сердце протянуть ему линейку, опустив голову, со слезами на глазах и подняв руку над головой.

Неужели интернет-зависимый подросток действительно безнадежен? Неужели он избежит электрошока, но не избежит ударов линейкой по ладони? Какая трагедия, сколько семей разрушено!

Хотя он и понимал, что тратит время на игры, но ничего значительного не достиг. Но разве это его вина? Он просто не родился с мозгом!

Жесткие меры не помогают, индивидуальный подход — вот правильный путь. А его, просто оставьте в покое, он просто ваза, и не хочет жить так тяжело.

Се Синчжоу закатал рукав, взял линейку, но в конце концов не ударил его. Но ударил он или нет, это уже не важно, главное, что этот жест стал отличным материалом для мемов.

— Вы, ребята, молодцы, сегодняшний материал готов, — Су Сянь всегда и везде снимал на камеру.

Се Синчжоу уже привык и перестал сопротивляться.

— Движение на сцене может быть сложным для понимания, так что давай не будем его понимать. Просто двигайся по линиям, которые я нарисую. Исходя из принципов преломления света, фокусировки и прочего, ты должен идти отсюда, и твоя точка опоры должна быть здесь. Затем лицо должно быть направлено сюда, в затененную область, которую я отметил. Это должно удовлетворить требования режиссера Вана.

Бай Чэн смотрел с пустым взглядом, явно ничего не поняв, но ощущая, что это что-то великое.

— Это... это так просто? Я просто должен двигаться по точкам?

Ван Юй тоже был удивлен, взглянул пару раз и, не дожидаясь ответа Се Синчжоу, сразу же позвал людей:

— Давайте, давайте попробуем один раз, и все станет ясно. Спасибо.

Щелчок хлопушки, и новая сцена началась.

У искусственной горы, в персиковом лесу, Юйшань в тонком длинном халате распевал под солнцем, его мягкая правая рука поднялась в воздух, пальцы изгибались с нежной грацией, и, коснувшись персикового цветка, он сбросил лепесток на уголок своего глаза. Как будто это была слеза, он откинулся назад, и длинный рукав медленно провел по его лицу.

Он повернулся на полный круг, его длинный халат развевался, поднимая камни у его ног, которые с глухим стуком упали вдалеке.

Это была искусственная гора, и, когда камень ударился о нее, из-под нее показался край одежды. Это был человек в черном, опустивший голову, шаг за шагом, медленно остановившийся перед Юйшанем.

— Девятый господин.

Под видом рукопожатия он вложил бумажку в его ладонь.

Юйшань прищурился, его рука цвета нефрита мягко хлопнула по его руке:

— Что насчет девятого господина? Если он хочет меня видеть, пусть придет сюда сам. Если у него нет искренности, то не стоит и встречаться. Послать тебя? Послать тебя бесполезно, проваливай.

Юйшань был человеком с шармом, даже слова изгнания звучали как любовный шепот.

Статист, нет, Бай Чэн, был настолько взволнован, что едва сдерживался, чтобы не броситься к нему и не исполнить вращение на 360 градусов, прыжок и падение на колени с объятием ноги.

— Снято, отлично! Прекрасно! — Режиссер Ван тоже был в восторге. — Отлично! С таким методом все будет в порядке! Мне больше не нужно тратить мозговые клетки на этого безнадёжного! Ты действительно мой талисман! Спасибо!

Бай Чэн, ой, он тоже не хотел, чтобы его мозговые клетки тратились зря. Даже у вазы есть

достоинство, и, кроме движения по точкам, он действительно не хотел думать!

— Папа, люби меня! — Бай Чэн, которому была не нужна гордость. — Папа, ты теперь мой папа!

Се Синчжоу: если бы его сын не хотел иметь мозг, он бы давно его прибил.

Так разрешился легендарный инцидент с задержкой съемок. Цзянь Дунлинь, который жаждал разжечь конфликт, оказался в унынии. Почему все в их съемочной группе такие безынициативные? Почему никто не старается выделиться, не борется за сцены? Почему все так спокойно, так зависимы от интернета, так увлечены мемами? Разве они достойны быть звездами экрана?

Цзянь Дунлинь бил себя в грудь, не замечая, как Су Сянь снимал его на камеру, и даже использовал встроенное приложение для редактирования, чтобы надеть на него шкуру гориллы — шокированный Цезарь даже уронил банан.

Когда ничего не получалось, Цзянь Дунлинь чувствовал себя подавленным, и это настроение перенеслось на следующую сцену.

— Девятый господин пришел, его учитель, беспокоясь за него, специально вышел из дворца вместе с ним.

Сегодня был день спектакля, Юйшань пел до полуночи, и только потом у него появилась возможность смыть с лица грим. После умывания его нежный облик из «Прощания с моей наложницей» исчез, он был прост и чист, на его одежде остались капли воды, что придавало ему вид человека, смывшего с себя всю мишуру.

— О, учитель тоже пришел? Ты же всегда презирал такие грязные места, как это? — Юйшань лениво оперся на зеркало.

Он действительно сидел без всякой позы, стоял без всякой осанки, это было неприлично! Сюань Цзиньсин был очень традиционным человеком, соблюдал этикет, следовал законам, его поведение было крайне строгим. Он презирал таких низких людей, как Юйшань, всегда считая, что они могут опустить высокопоставленного человека в грязь. И особенно сейчас, когда он нарочно вел себя так, Сюань Цзиньсин даже покраснел от гнева!

Это был гнев, полный достоинства, но...

— Ты в сценарии прописал, что он плачет? — Тао Ли почувствовал, что Ван изменил его работу, и готов был устроить скандал.

Ван лишь усмехнулся, его взгляд был холоден:

— Не пытайся обмануть меня, я не изменял твой сценарий! Не пытайся заставить меня не спать ночью и переписывать его с тобой, это мечта! Это приведет к облысению! Спасибо!

Тао Ли был разочарован, пытаясь возразить:

— Но почему он плачет? Ты точно изменил!

— Пф, я думал, что ты написал драму о дворцовых интригах. Посмотри, чем это отличается от того, как наложница с наследником приходит хвастаться перед законной женой? Он в любой

момент может получить удар красной палкой! — Режиссер Ван начал критиковать. — Он же наставник, и, сталкиваясь с Юйшанем, который нарочно ведет себя вызывающе, его присутствие должно унизить Юйшаня до уровня грязи. Но это, это играется как какая-то ерунда! Спасибо.

— Тогда почему ты не остановил съемку?

— Я пытаюсь найти причину!

Режиссер не остановил съемку, и сцена продолжалась. Сюань Цзиньсин, разозленный насмешками Юйшаня, хотел схватить его и устроить разборки.

По сценарию, Юйшань должен был встать и броситься на этого серьезного человека, чтобы разозлить его или проверить, действительно ли он болен. В любом случае, он должен был встать и броситься вперед.

Но...

Цзянь Дунлинь был немного ниже, и костюм, срочно переделанный, все еще не подходил идеально. Длинный подол его платья волочился по полу, и, когда Се Синчжоу наступил на него, он сразу же упал.

Это был полный провал. На полу были брошены украшения, которые Юйшань ронял по пути. Хотя они и не были из настоящего золота или серебра, но эти кусочки алюминия и железа могли легко оставить шрамы на лице.

Прощай, друг, его красота как идола, возможно, погибнет сегодня.

Все произошло так внезапно, что Се Синчжоу даже не успел прикрыть лицо, и даже не смог удержаться на ногах.

<http://bllate.org/book/16426/1488801>